

Фукс Эдуард

**Иллюстрированная история
нравов**

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Э27

Э27 **Эдуард Ф.**
Иллюстрированная история нравов: Том 3 / Фукс Эдуард – М.: Книга по Требованию, 2023. –
554 с.

ISBN 978-5-521-28777-2

ISBN 978-5-521-28777-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

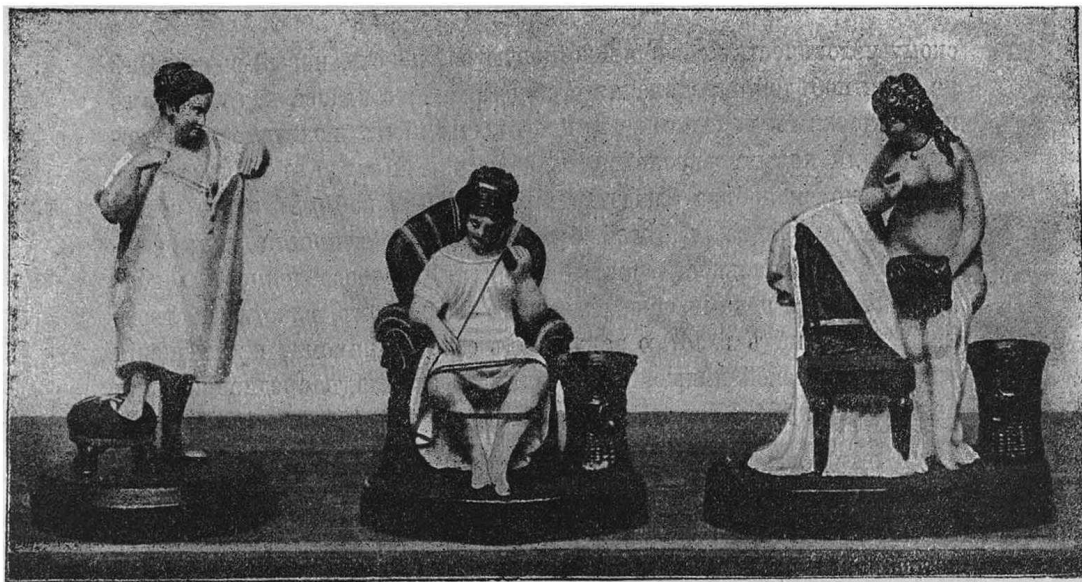

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Вступленіе	I—VII
I. Буржуазный вѣкъ	I—90
Восшествіе буржуазіи	1
Идея и дѣйствительность	17
Нравственное лицемѣріе	72
II. Идеаль физической красоты въ вѣкъ господства буржуазіи	90—116
Буржуазный идеаль красоты	92
Буржуазная дѣйствительность	103
Послѣдствія машиннаго производства	112
III. Буржуазный костюмъ	117—162
Демократическія черты въ костюмѣ	117
Частая смѣна моды	120
Мода эпохи великой революціи	131
Кринолинъ	140
Нагота несмотря на костюмъ	143
Декольте и блузка	147
Женскіе dessous	152
Реформа моды	159
IV. Любовь и бракъ	163—271
Бракъ по расчету	163
Посредники и объявленія	166
Кокетство	171
Флиртъ	181
Добрачные половыя сношенія	196
Свободная любовь	209
Сексуальное воспитаніе	215
Искусственное сокращеніе потомства	228
Супружеская невѣрность	238
Массовый развратъ	259
Половая извращенность	264
V. Проституція	272—299
Спросъ и предложеніе	272
Уличная проституція	274

	Стр.
Малолѣтнія проститутки	278
Сутенерь	279
Домъ терпимости	280
Торговцы дѣвушками	286
Кокотка	287
Замаскированная проституція	289
Полиція и проституція	294
VI. Развлеченія и удовольствія	300—331
Сущность современныхъ развлеченій	300
Роль трактира	301
Танцевальныя помѣщенія	302
Вальсъ, канканъ, Schiebetaenze	304
Карнаваль и балы	307
Игры и спортъ	312
Морское купанье	313
Театръ	315
Балетъ и танецъ-соло	319
Варьетэ и шантанъ	322
Кабарэ	330
Кинематографъ	331
VII. Пресса и реклама	332—342
Развитіе прессы	332
Сенсаціонная пресса	334
Сводническія объявленія	338
Иллюстрированная газета	340
Иллюстрированная реклама	341
Заключеніе	341—342

Вступленіе.

Буржуазнымъ вѣкомъ называется вѣкъ современнаго капитализма, выстраивающагося на возникшей въ XVIII ст. экономической системѣ товарнаго производства. А современный капитализмъ является въ свою очередь наиболѣе грандіознымъ развитіемъ института частной собственности, обусловливающей всю нашу общественную и политическую культуру. Соответствующія этимъ новымъ экономическимъ условіямъ политическія и социальныя формы возникли въ Англіи въ эпоху революціи 1648 г., завершившейся лишь въ 1688 г., а на европейскомъ континентѣ въ эпоху великой французской революціи. Оба этихъ грандіозныхъ переворота сокрушили тѣ государственныя и общественныя образованія, которыя являлись преградой для новаго исторически необходимаго способа производства, и создали взамѣнъ тѣ политическія и социальныя формы, въ которыхъ новый экономическій принципъ нуждался, какъ въ предпосылкахъ и въ рамкѣ для своего успѣшнаго развитія.

Въ силу этихъ своихъ послѣдствій революціи 1648 и 1789 гг. носили не только мѣстный англійскій или французскій характеръ,—онѣ были «революціями общевропейскаго стиля». Онѣ дали европей-

скому человечеству совершенно новую внешность, новый видъ. «Онѣ не были побѣдой опредѣленнаго общественнаго класса надъ старымъ политическимъ порядкомъ, а провозглашеніемъ политическаго порядка для новыхъ европейскихъ обществъ. Правда, побѣдила буржуазія, но ея побѣда была тогда равносильна побѣдѣ новаго общественного порядка, побѣдой буржуазной собственности надъ феодальной, національности надъ провинціальной обособленностью, конкуренціи надъ цехами, дробленія надъ майоратомъ, власти собственника земли надъ властью земли надъ собственникомъ, просвѣщенія надъ героической лѣнью, буржуазнаго права надъ средневѣковыми привилегіями («Новая Рейнская Газета» отъ 15 дек. 1848 г.).

Этотъ переворотъ уничтожилъ или совершенно пересоздалъ прежніе классы, изъ которыхъ состояло общество. вмѣстѣ съ тѣмъ съ теченіемъ времени возникали новые классы съ совершенно новыми потребностями, сыгравшіе также извѣстную роль въ историческомъ процессѣ. Все общественное бытіе получило такимъ образомъ постепенно совершенно новую фیزیономію. А такъ какъ каждому новому періоду общественного бытія соответствуетъ и новая половая мораль, то съ этого момента начинается и новая эпоха половой нравственности: возникли и воцарились совершенно новые законы публичной и частной нравственности.

Эпоха княжескаго абсолютизма провозгласила открыто передъ лицомъ всего міра, какъ свой высшій законъ, культъ необузданной и утонченной чувственности. Эта мужественная откровенность однако вовсе не была доказательствомъ, что тогда господствовали болѣе свободные и широкіе взгляды на половыя отношенія, чѣмъ, скажемъ, въ настоящее время, нѣтъ, эта откровенность была только циническимъ проявленіемъ неограниченности абсолютизма. Господствующіе классы XVIII в., придворная аристократія и крупная финансовая буржуазія, еще не стояли лицомъ къ лицу съ способными на борьбу другими классами, критика которыхъ могла бы стать опасной для ихъ господства. Вотъ почему они имѣли возможность всецѣло отдаваться во власть своихъ инстинктовъ и провозгласить высшимъ смысломъ бытія разнузданный культъ этихъ инстинктовъ.

Въ эпоху буржуазной культуры, смѣнившую абсолютизмъ, взаимныя отношенія господства и подчиненія совершенно измѣнились между отдѣльными классами. Средніе и низшіе классы стали во всѣхъ странахъ такимъ факторомъ, который своей критикой такъ или иначе вліялъ на общественную жизнь. Вотъ почему съ этого

именно момента законы общественной нравственности должны были получить совсѣмъ новую формулировку. Впрочемъ не только по этой причинѣ, но и потому, что содержаніе жизни и потребности новаго времени стали совершенно иными.

Буржуазное государство возвелъ повсюду, гдѣ оно осуществилось, подданнаго изъ состоянія крѣпостного на степень гражданина, дало ему права, провозгласило равноправіе. Съ боевымъ кличемъ «Свобода, равенство и братство» ринулось третье сословіе въ борьбу съ феодализмомъ, и битва эта увѣнчалась рядомъ безсмертныхъ побѣдъ. Буржуазное государство свело и женщину съ пьедестала, на которомъ она въ продолженіе почти полутора вѣка стояла въ позѣ официально признанной высшей богини. И это было для нея не униженіемъ, а, напротивъ, возвышеніемъ. Впервые, начиная съ среднихъ вѣковъ, женщина стала человѣкомъ. Изъ рабыни, лишеной права имѣть свои сужденія, изъ простаго орудія наслажденія она все болѣе превращалась въ товарища и подругу мужчины. Единственнымъ нравственно допустимымъ базисомъ брака была признана во всѣхъ классахъ и всѣми классами индивидуальная полая любовь. Связующимъ людей звеномъ должна была стать солидарность. Высочайшія психическія и физическія цѣли ставились отнынѣ идеалу человѣческой красоты. Всѣ формы и цѣнности жизни, искусство, философія, право, языкъ, наука — все подвергалось такимъ образомъ критикѣ и поправкамъ со стороны буржуазнаго вѣка.

Современное буржуазное государство хотѣло быть вѣнцомъ всего предыдущаго развитія семьи, государства и общества, постройкой, отмѣченной въ худшемъ случаѣ лишь нѣкоторыми эстетическими недостатками. Вотъ почему оно стремилось также и къ тому, чтобы сойти за осуществленіе «истиннаго нравственнаго міропорядка». Оно хотѣло быть конкретнымъ воплощеніемъ этой идеи.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что уже одно это стремленіе внесло въ европейскую исторію огромный запасъ нравственныхъ мотивовъ и что эти послѣдніе привели съ теченіемъ времени къ такому физическому и духовному возвышенію народовъ, котораго даже и отдаленно не достигала ни одна изъ прежнихъ формъ общественнаго развитія. Многіе политическіе и соціальные идеалы, ранѣе бывшіе не болѣе какъ смѣлыми грезами отважныхъ утопистовъ, стали осязательной дѣйствительностью уже по одному тому, что они являлись и являются знаменемъ въ борьбѣ миллионныхъ вдохновенныхъ борцовъ. Въ области науки и искусства каждый день прино-

сить съ собой все новыя и все болѣе смѣлыя созданія. Во всѣхъ сферахъ духовной жизни царить непрерывная революція, Revolution in Permanenz.

То же самое приложимо и къ преобразованію половой морали и всѣхъ связанныхъ съ ней областей. И хотя это новое положеніе вещей и нельзя сравнить съ побѣдою дня надъ ночью—все же многообѣщающая заря поднялась надъ всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ.

И однако мы должны оговориться.

Всѣ эти черты, которыя могли бы въ своей совокупности образовать понятіе истиннаго нравственнаго міропорядка, являются въ лучшемъ случаѣ лишь идеологіей буржуазнаго государства, являются только его искусственнымъ рефлексомъ, а не его доподлинною сущностью. Все это только ореолъ, которымъ оно окружило свою собственную голову въ майскіе дни, когда въ его лицѣ новая эра желѣзной поступи ступала по землѣ, все революціонизируя, сокрушая старыя формы, наполняя ихъ новымъ содержаніемъ, когда буржуазное государство—что не подлежитъ спору—искренно вѣрило, что именно оно является идеальнымъ осуществленіемъ всѣхъ этихъ идей. Реальное содержаніе этой идеологіи, однако, очень скоро и безжалостно разбилось о принципиальную несовмѣстимость идеи съ практическимъ базисомъ эпохи, послѣдней и высшей цѣлью которой было и есть повышеніе прибыли, этотъ присущій капиталистическому товарному производству основной законъ.

Идеалы буржуазнаго вѣка не могли осуществиться, стать дѣйствительностью потому, что освобожденіе человѣка является для буржуазнаго государства не самоцѣлью, а только средствомъ для цѣли. Человѣкъ, какъ представитель массы, долженъ былъ получить свободу, потому что только такимъ путемъ можно было заручиться тѣми силами и рабочими руками, въ которыхъ новый экономическій принципъ все болѣе нуждался для завоеванія міра. Всѣ официальные идеалы буржуазнаго государства должны были поэтому подвергнуться поправкамъ именно въ интересахъ этой рѣшающей и высшей потребности капиталистическаго общества. Чѣмъ рѣшительнѣе совершалось это исправленіе во имя кошелька и власти буржуазіи, чѣмъ ярче оно противорѣчило поднятому знамени, чѣмъ глубже была пропасть между истиннымъ содержаніемъ вещей и идеологической драпировкой, тѣмъ упорнѣе цѣплялась буржуазія за эту послѣднюю. Она не только хотѣла быть и остаться высшимъ осуществленіемъ нравственнаго порядка, дальше котораго итти некуда,

она должна была такъ поступить: ибо если бы она отреклась отъ своей идеи, то это было бы равносильно смертному приговору, произнесенному ею же надъ собою. А на такой шагъ способенъ общественный классъ только въ томъ случаѣ, если прошелъ всѣ возможные стадіи развитія и въ дверь его стучится банкротство.

Самое разительное противорѣчіе между дѣйствительностью и видимостью, какое только знаетъ исторія—таково конечное послѣдствіе этой эволюціи и вмѣстѣ съ тѣмъ характерная сущность современнаго буржуазнаго общества. Единственнымъ средствомъ затушевать истинное положеніе вещей было лицемѣріе. Только оно могло скрыть зіяющее противорѣчіе между дѣйствительностью и идеаломъ. Черта, отличавшая раньше всегда только отдѣльные слои общества, стала въ эпоху господства буржуазіи всеобщей. Мѣсто дѣйствительности заняла видимость. Былъ провозглашенъ диктаторскій законъ: ты долженъ казаться нравственнымъ при какихъ бы то ни было условіяхъ, во что бы то ни стало. Специально въ области половой морали возникло моральное лицемѣріе, какъ половая идеология, и это моральное лицемѣріе порой доходило до безстыднѣйшей pruderie. Почетомъ и уваженіемъ пользуется тотъ, кто умѣетъ сохранить эту видимость во всѣхъ даже самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. А тотъ, кто при всей своей личной порядочности пренебрегаетъ видимостью, подвергается опалѣ.

Такова буржуазная мораль въ ея поперечномъ, а не продольномъ разрѣзѣ,—послѣдній состоитъ въ постоянныхъ зигзагахъ этой эволюціи.

Освѣтитъ половую жизнь и ея отраженіе въ идеологіи въ разныхъ классахъ въ вѣкъ господства буржуазіи—такова рамка и таково содержаніе этого тома.

Относящійся сюда документальный матеріалъ неисчерпаемо богатъ и безконечно многообразнѣе того, которымъ историкъ могъ пользоваться для выясненія и для иллюстраціи половых нравовъ предыдущихъ эпохъ. Такъ какъ въ настоящее время каждый классъ ведетъ самостоятельное политическое существованіе, то каждый классъ выражаетъ по-своему свои взгляды и требованія относительно половой нравственности. Каждый классъ пользуется къ тому же почти одинаковою возможностью выражать эти свои взгляды и требованія, причемъ первымъ и главнымъ средствомъ является въ данномъ случаѣ періодическая печать. Газета всюду заняла мѣсто такъ-называемаго летучаго листка. Картина также стала очень скоро и притомъ удивительно удачно составною частью газеты, сначала

въ видѣ самостоятельнаго приложенія, потомъ какъ комментарий, дополнение и иллюстрація къ тексту. Въ концѣ-концовъ картина сдѣлалась во многихъ случаяхъ важнѣе текста, исполнявшаго роль лишь ориентироваго прибавленія.

Вліяніе газеты какъ иллюстрированной, такъ и состоящей изъ одного только текста огромно уже потому, что ея постановка получила въ виду ея періодическаго характера планомѣрную организацію. Отдѣльная личность получаетъ теперь не только случайныя и поверхностныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ и объ общемъ положеніи общественной и частной жизни индивидуумовъ, классовъ и народовъ, которыми въ дни летучаго листка должны были довольствоваться массы—нѣтъ, теперь всѣ могутъ рассчитывать на самую детальную інформацію какъ при помощи иллюстрацій, такъ и путемъ текста.

Эта широко поставленная інформація, это вліяніе на массы были въ значительной степени обусловлены фотографіей, облегчавшей начиная съ 60 годовъ XIX в. работу рисовальщикамъ и художникамъ. Фотографія не только распирила до послѣднихъ предѣловъ сферу подлежащихъ воспроизведенію предметовъ, но и повысила документальную точность картины и притомъ всѣхъ картинъ. Даже художникъ могъ теперь черпать матеріалъ для изображенія невиданныхъ имъ предметовъ уже не въ своемъ воображеніи, какъ онъ это дѣлалъ раньше очень часто и безъ всякаго стѣсненія—фотографія давала ему въ огромномъ большинствѣ случаевъ необходимыя свѣдѣнія. Да и не могъ онъ теперь поступать такъ, какъ прежде, такъ какъ фотографическіе снимки появлялись все чаще на рынкѣ, облегчая публикѣ возможность контроля.

Если сократилась такимъ образомъ область представленій, почерпнутыхъ изъ воображенія, если цѣнность этихъ послѣднихъ значительно понизилась, то наши пластическія представленія о предметахъ стали, несомнѣнно, болѣе точными и болѣе содержательными. А съ тѣхъ поръ, какъ были изобрѣтены открытки, картина заняла вообще господствующее положеніе. Взоры наши падаютъ ежеминутно на картины и мы не въ состояніи отъ нихъ бѣжать. Если бы мы стали даже игнорировать иллюстрированныя газеты и открытки, то все же остался бы плакатъ, иллюстрированная реклама, преслѣдующая насъ на всѣхъ предметахъ обихода, чтобы навязать намъ свои мнѣнія—и свою мораль.

Послѣднее—также очень важно. Ибо все: газета, картина, открытка, плакатъ, фотографія, предметы обихода являются въ

очень значительной степени носителями, посредниками, а часто и прямо пропагандистами опредѣленныхъ половыхъ взглядовъ. И потому всѣ они безъ исключенія являются важными документами для характеристики нравовъ нашего вѣка.

Дать правильное представленіе о ростѣ богатства этого документальнаго матеріала было бы одной изъ главныхъ задачъ иллюстративной части этого третьяго тома. Придется однако ограничиться болѣе скромною задачей и дать хотя бы приблизительное о немъ представленіе. Благодаря своему крупно-капиталистическому размаху буржуазный вѣкъ разбивается на миллионы отраженій и нѣтъ никакой возможности уловить ихъ хотя бы отчасти: такъ точно многообразіе жизни и ея проблемъ можетъ быть теперь охвачено отдѣльной личностью уже только въ отдѣльныхъ проявленіяхъ, а не въ совокупности. Поднять избранную частицу общей картины на высоту характеристическаго описанія, возсоздать магистральную линію частно-капиталистической культуры—вотъ отнынѣ то, что еще можетъ сдѣлать отдѣльный историкъ.
